

3. Романов, А. Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним / А. Ю. Романов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 151 с.

УДК 811'42

Г. Н. Игнатюк

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛОГИКО-СМЫСЛОВЫХ И КОМПОЗИЦИОННЫХ ЕДИНИЦ ТЕКСТОВОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «текст» и идентификации его конституирующих единиц. Представлены различные точки зрения лингвистов на установление формальных критериев и принципов структурирования текстовых единств и их взаимоотношения с составляющими их языковыми единицами. Осуществлено сравнение отличительных признаков сверхфразового единства и абзаца как базовых фрагментов текста и выявлены характеристики абзаца как основной логико-смысловой и композиционной единицы текстового анализа.

Ключевые слова: *текст, текстовое единство, языковая единица, абзац, сверхфразовое единство, прагматическая установка.*

Несмотря на интенсивность проводимых исследований в области лингвистики текста, очевидны нерешенность многих проблем, касающихся понятия «текст», и отсутствие однозначного подхода к этому вопросу. Так, например, разногласия вызывает вопрос о принадлежности текста к области языка или речи, о структурной организации текста, а также проблема установления формальных критериев, позволяющих выделить текст в самостоятельную единицу. Разнообразие мнений на этот счет приводит к различиям в определениях текста, когда под текстом понимается как одно предложение, так и совокупность предложений, ограниченная рамками сложных синтаксических единств или всего речевого произведения, или не имеющая определенных границ.

Исследователями предложен целый ряд определений текста как объекта лингвистического исследования. Все они, в сущности, сводятся к тому, что текст есть некое структурированное по определенным законам единство, состоящее из языковых единиц – предложе-

ний, объединенных между собой и образующих более крупные единицы – сверхфразовые единства, тематические отрезки текста, параграфы, главы, разделы и т. д., служащие для передачи определенного законченного содержания, отвечающего целям коммуникации [см., напр., 1].

По мнению Ван Дейка, текст – это некоторая макроструктура, некое глобальное единство, не являющееся результатом сложения составляющих его микроструктур, а опирающееся на единство содержания [2]. Продолжая эту мысль, Т. М. Николаева указывает на то, что «внимательный и глубокий анализ этой глобальной макроструктуры может выявить при сопоставлении текстов одной смысловой направленности некоторые общие свойства, как бы исходный текст, не полностью и неединообразно манифестирующийся в реальных текстах» [3, с. 34]; т. е. текст как единица языка (абстрактная модель) представляет собой то общее, что лежит в основе отдельных конкретных текстов, своего рода схему, формулу построения текста или текстов разных типов.

Во многих существующих определениях на первый план выдвигается не содержание высказываний, а то, каким образом построено и из каких моментов состоит это высказывание. При таком подходе текст определяется либо как «конкретная последовательность предложений» (Brinker), либо как «высказывание, состоящее из нескольких предложений» (Boguslawski), либо как «последовательность ряда предложений, которые образуют высказывание в коммуникативном процессе и обуславливаются некоторыми необходимыми условиями» (Heidolph). Обобщением всех этих схожих формулировок может служить определение, в котором текст понимается как заданная автором, почти жестко фиксированная, передающая определенный смысл последовательность предложений, связанных друг с другом семантически при помощи различных языковых способов [4, с. 15].

Е. Агрикола указывает на три признака текста: переплетение семантических отношений отдельных предложений; интеграция отдельных тем (элементов текста), отражающих реальность, их превращение (*Verschmelzung*) в упорядоченное содержательное единство; относительная законченность и замкнутость этого единства [5, с. 13–27].

Установление принципа когерентности текста (Bellert), изучение явлений лексической и грамматической когезии (Halliday, Palek), выявление основных схем тема-рематического движения в тексте (Daneš), разработка принципа делимитации текстовых единств (Harweg) позволило увидеть в тексте нечто, четко делимитированное,

имеющее собственную внутреннюю структуру, представляющее собой моделируемую величину [6, с. 11].

Из вышесказанного следует, что понятие «текст» не имеет однозначного определения. Однако при всех неизбежных терминологических разночтениях общими свойствами признаются для него смысловая цельность, связность и логичность продвижения содержания, коммуникативная значимость, или функциональная направленность. Пожалуй, наиболее полно характеристику текста отражает определение И. Р. Гальперина, согласно которому, текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку [1, с. 18].

Разные исследователи по-разному подходят и к вопросу выделения единиц текста. Некоторые считают основной текстовой единицей предложение, поскольку только предложение является структурно законченной единицей. Однако само по себе сочетание предложений в тексте лишено признаков структурной законченности. Для идентификации единиц текста необходимы другие дифференциальные признаки, относящиеся к области семантики.

Большинство лингвистов исходит из признания существования в языке единиц более высокого уровня, чем предложение, и рассматривают их в качестве составляющих текста. Это должны быть серии связанных между собой предложений, обладающие относительной независимостью в контексте, замкнутой синтаксической структурой и выражающие сложную законченную мысль. По мнению И. Р. Гальперина, «единицей текста является более крупное единство, объединяющее ряд предложений – сверхфразовое единство» [1, с. 67].

Относительно сверхфразового единства в лингвистике еще не существует согласия, как нет и общепринятого определения этого понятия. В качестве отличительных признаков сверхфразовых единств (СФЕ), как правило, указывается их структурная целостность, относительная самостоятельность и независимость от контекста, смысловая общность и спаянность их составляющих. Границей таких единств является, как правило, разрыв или ослабление связи между некоторыми примыкающими друг к другу предложениями, переход от одной темы к другой.

Однако не все лингвисты соглашаются с тем, что привлечение смысловых характеристик является надежным способом установления границ СФЕ. Так, например, Б. А. Маслов считает, что понятие

«смыслового единства» является очень зыбким, неустойчивым, во многом субъективным, поэтому не может быть положено в основу выделения СФЕ [7, с. 27]. Эту точку зрения разделяет и Л. Г. Фридман, который полагает, что границы каждой синтаксической единицы должны быть четко определены и маркированы формальными показателями. По его мнению, СФЕ не удовлетворяет этим требованиям, и только абзац обладает релевантными признаками, позволяющими квалифицировать его как единственную реальную суперсинтаксическую единицу – единицу построения текста [8].

Вопрос о сущности абзаца, как и другие, вызывает разногласия у исследователей. В зависимости от того, что берется за основу абзаца, существуют соответственно и различные его определения. Если А. М. Пешковский рассматривал абзац только как смысловую единицу, то многие другие лингвисты отмечали еще и композиционную функцию абзаца (П. С. Поспелов, Т. И. Сильман, О. И. Москальская, В. П. Николаева и др.), полагая, что абзац представляет собой композиционно-смысловую единицу письменной речи, а деление текста на абзацы отражает композиционные черты произведения так же, как и деление на части, главы, параграфы и является разновидностью объемно-прагматического членения текста.

Наряду с объемной характеристикой абзаца, его широкой трактовкой одновременно как синтаксической, логико-семантической и стилистико-композиционной единицы, некоторыми учеными предлагается более узкое понимание абзаца, согласно которому он есть в основном графическое единство или единица «не синтаксического, а собственно композиционного уровня» [6, с. 83]. Отмечается также и то, что абзац далеко не всегда и не обязательно содержит законченную мысль. Более того, некоторые авторы считают требование выражения «законченной мысли», предъявляемое к абзацу, несостоятельным, так как оно является следствием традиционного подхода «снизу вверх» и сосюрковского предметного различения языка – речи. Абзац трактуется как компонент текста, имеющий определенные (необязательно завершенные) структуру и содержание и обладающий формальной завершенностью.

Иногда учеными делаются выводы об идентичности понятий «абзац» и «сверхфразовое единство», и абзац как сочетание предложений приравнивается к синтаксическому единству, которое представляется верхним пределом синтаксического анализа [8]. В других работах, напротив, проводится четкое разграничение понятий абзаца и СФЕ: первое – к области композиции письменного текста, второе – к области синтаксиса. Абзац, по утверждению Л. М. Лосевой, нельзя

отнести к синтаксическим категориям, поскольку в синтаксической структуре текста нет никаких других единиц, кроме словосочетаний, сочетаний слов, предложений, сложных синтаксических целых. Автор считает, что один абзац может вмещать в себя несколько сложных синтаксических целых и, наоборот, одно сложное синтаксическое целое может охватывать несколько абзацев [9, с. 20–22].

Таким образом, понятия «абзац» и «СФЕ» если не совпадают, то, во всяком случае, имеют много общего. Однако очевидно, что их нельзя смешивать. Абзац, в отличие от СФЕ, не всегда содержит одну законченную микротему. Так, если СФЕ, будучи выражением смысловой завершенности высказывания, служит единицей объективного членения, то абзац выступает как единица композиционно-стилистического, т. е., в какой-то мере, субъективного членения. В основе объективного деления текста на СФЕ лежит прагматическая установка текста, а в основу субъективного разбиения текста на абзацы положена прагматическая установка автора. Под прагматической установкой автора понимается коммуникативное задание, личность автора и его социальный, профессиональный и эстетический уровень. Прагматической установкой текста следует считать его объективное деление на микротемы.

Принимая во внимание работы исследователей по проблемам абзаца, а также основываясь на положениях, высказанных в свое время видными лингвистами (Л. А. Булаховским, Л. В. Щербой), абзац рассматривается как явление, неотделимое от СФЕ. Обладая целым рядом формальных и содержательных признаков (например, лексические и грамматические показатели связности, внутренняя структура, отмеченность границ), СФЕ, однако, не имеет обычной для лингвистических единиц внешней оформленности. С другой стороны, абзац лишь в соотношении с СФЕ получает определенную смысловую структуру и лингвистические признаки.

Если обратиться к текстам научного стиля, лишенным дополнительных эмоционально-смысловых установок, то следует отметить, что их особенностью является «постепенная, порционная подача информации, создающая информационно насыщенную структуру» [10, с. 293]. За единицу этой структуры принимается абзац в силу четкой обозначенности его границ (формальной завершенности) и относительной самостоятельности в тексте. Поскольку, с коммуникативной точки зрения, абзац в научной прозе призван способствовать развитию мысли, членение научного текста на абзацы должно соответствовать логическому членению мысли. Таким образом, можно считать, что стиль научной литературы характеризуется тенденцией к совпадению прагматической

установки автора с прагматической установкой текста, что и обуславливает совпадение границ СФЕ и абзаца. Можно утверждать, что в текстах научного стиля вероятность совпадения границ абзаца и СФЕ выше, чем возможность их несовпадения.

Абзац как смысловой «квант» и как «застывший» синтаксический шаблон принимается за «минимальный логико-семантический компонент текста» [11, с. 39], а предложение рассматривается, в свою очередь, как минимальная конституирующая единица абзаца. Необходимо при этом подчеркнуть, что абзац – это «качественно новое структурно-семантическое образование, параметры которого существенно отличаются от параметров предложения» [1, с. 69], а значение абзаца – это не механическая сумма, а продукт смысловой интеграции значений входящих в него предложений.

Предложения, составляющие абзац, находятся в различных взаимоотношениях, которые проявляются в разных способах связи между ними. Исследователями выделяются, в частности, такие способы связи, как цепной, лучевой и параллельный, на основании которых можно выделить три типа абзацев: 1) индуктивный – единство с цепной связью, имеющей проспективную направленность; 2) дедуктивный – единство с лучевой связью, имеющей ретроспективную направленность; 3) имплицитный – единство с параллельной связью, имеющей нулевую направленность. Все типы абзаца равны СФЕ и составляют основу текста научной прозы, так как отвечают требованиям прагматической установки текста [6, с. 96].

Соотносительность предложения и абзаца как фрагмента текста бесспорна, поэтому раскрытие смысла отдельного предложения возможно лишь в контексте абзаца (или СФЕ). Функциональная или смысловая организация абзаца предопределяет особенности синтаксической структуры предложения, его размер и характер, тип элементарных предложений, т. е. «типовое значение» [2], а также его позицию в абзаце. Смысловая обусловленность позиционных характеристик предложения отмечалась Э. Виттмерсом: «Предложение не может занимать в тексте произвольное место, так как заключенное в нем высказывание необходимо в определенном месте текста» [12, с. 49]. Значение любого предложения является проекцией общего смысла текста и, в свою очередь, релевантно для общей структуры текста. Функциональные и структурно-семантические особенности предложения коррелируют с его позиционными характеристиками, а также вытекают из характера его взаимодействия с окружающим контекстом в границах абзаца.

Таким образом, смысл предложения, особенности его структурно-семантической организации полностью раскрываются только в тексте и его структурных фрагментах – абзацах, которые являются основными логико-смысловыми и композиционными единицами текстового анализа. Являясь минимальным логико-семантическим компонентом текста, абзац, в свою очередь, конституируется предложениями как его основными единицами.

Список использованной литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
2. Dijk, T. A. van. Text and Context; Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. – London : Longman, 1977. – 261 p.
3. Николаева, Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. – С. 5–42.
4. Откупщикова, М. И. Синтаксис связного текста : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / М. И. Откупщикова. – Л., 1987. – 33 с.
5. Agricola, E. Vom Text zum Thema / E. Agricola // Studia Grammatica, XI.– Problem der Textgrammatik.– Berlin : Akademie Verlag, 1976. – S. 13–27.
6. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа. 1981. – 183 с.
7. Маслов, Б. А. Проблемы лингвистического анализа связного текста (надфразовый уровень) / Б. А. Маслов. – Таллинн : ТПИ, 1975. – 104 с.
8. Фридман, Л. Г. Грамматические проблемы лингвистики текста : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Фридман. – Л., 1979. – 32 с.
9. Лосева, Л. М. Межфразовые связи в текстах монологической речи : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Л. М. Лосева. – Одесса, 1969. – 33 с.
10. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 1982. – 362 с.
11. Зубов, А. В. Проблемы порождения текста / А. В. Зубов // Теория и алгоритмы. Часть I. – Минск, 1987 – 77 с.
12. Wittmers, E. Über das Modell einiger allgemeinen Grundstruktur des Textes als Mittel zur Erfassung spezifischer Textgesetzmässigkeiten / E. Wittmers // Textlinguistik I. – Dresden, 1970. – S. 36–54.